

В. Н. Фигнер

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД

Глава восьмая

1. РАЗДЕЛ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ»

После Воронежского съезда началась нелегальная жизнь моя. Я уехала в Петербург с Квятковским¹, который привез меня в Лесной², где вместе с С. Ивановой он держал общественную квартиру.

Квятковский всегда находил простых женщин, всецело преданных ему, и прислугой у нас в Лесном была немка, совершенно безопасная для того необычайного образа жизни, который на ее глазах мы вели совершенно откровенно.

Это была штаб-квартира землевольцев боевого направления. Стояло лето, и дачная местность представляла много удобств для подобной квартиры. Все мы были нелегальные, и множество лиц такого положения приходило к нам по делам, не возбуждая внимания, а в сосновом парке, на выходе, легко было устраивать собрания под видом невинной прогулки.

Мы так и делали: собирались на далекой окраине, куда публика не заглядывала, и располагались на сухом слое хвои среди сосен, где издалека можно было заметить всякого постороннего, если бы он случайно забрел сюда.

Эти собрания начались вскоре после нашего приезда; но это были уж не собрания землевольцев, а только тех, кто присутствовал на Липецком съезде или был постоянным посетителем дачи. Тут на первых же порах Квятковский, Морозов и Михайлов³ стали жаловаться на сторонников деятельности в деревне, что они тормозят ра-

боту по террору. «Решение Воронежского съезда о цареубийстве,— говорили они,— надо выполнять, не теряя времени, иначе приготовления к осени, когда Александр II из Крыма должен возвращаться в Петербург, не будут сделаны. Между тем для устройства покушений в нескольких местах по пути следования есть и достаточный запас динамита, и необходимый персонал». Но, как было раньше, так и теперь, по их словам, противники террора всячески оттягивают выполнение. Силы уходят на споры и внутренние трения; вместо того, чтобы действовать решительно и единодушно, в будущем предстают колебания, уступки и компромиссы. Воронежский съезд не устранил, а только затушевал разногласия, и, чтобы не парализовать друг друга, лучше разойтись и предоставить каждой стороне идти своим путем.

Еще и еще говорили они на ту же тему, и возражений теперь не было: главные оппоненты — Плеханов, Попов, Стефанович⁴ — отсутствовали; Перовская и я, которые в Воронеже колебались, стараясь сохранить единство организации, перестали сопротивляться, когда дело коснулось практики и петербургские товарищи открыли нам, что все средства для покушений подготовлены и остается только осуществлять замысел, вместо того чтобы стоять на мертвой точке. Общее настроение, очевидно, было за раздел. Вопрос о судьбе «Земли и воли», о разделе был поставлен, наконец, ребром и решен утвердительно.

Для выработки условий с обеих сторон были выбраны представители. Шрифт, которым печатался партийный орган, достался сторонникам новой программы⁵. Старая хозяйка типографии Мария Константиновна Крылова, которую, вероятно, благодаря имени, называли богородицей, была определенно против новшеств и осталась у сторонников старой программы. Запас шрифта, добытого Зунделевичем, был передан им, и они могли тотчас же организовать свою собственную печатню. Хозяйкой у новаторов намечалась Софья Иванова*, знакомая с типографским делом, так как в свое время была наборщицей в типографии Мышкина в Москве⁶. Малообразованная Грязнова, игравшая роль прислуги в типографии «Земли и воли», переходила к нам, как к людям, которым она сочувствовала больше. В остальном персонале недостатка не было: хозяином согласил-

* Впоследствии по мужу Борейша.

ся быть Бух, а Цукерман и «Пташка» взялись быть наборщиками. Денежные средства решили разделить поровну, но они были лишь в перспективе: большое состояние прежнего чайковца, члена «Земли и воли» Дм. Лизогуба состояло в имениях; полную доверенность на управление ими он дал Дриго, которому доверял безгранично. Ему он поручил продать все и деньги передать «Земле и воле». Но Лизогуб уже несколько месяцев находился в тюрьме в Одессе. Осенью его казнили вместе с Чубаровым и Давиденко. А Дриго? Дриго изменил чести и продался правительству, надеясь сам воспользоваться богатством своего великодушного и доверчивого друга⁷. Ал. Михайлов, через которого землевольцы вели денежные сношения с Дриго, не мог не только получить никаких сумм от Дриго, но чуть не попал в ловушку, устроенную предателем.

Так, насколько я помню, наши прежние товарищи по «Земле и воле» не получили ничего, а у нас оставался ресурс — 23 000 руб., обещанные и действительно переданные нам супругами Якимовыми, которые сочувствовали террору. Кроме того, Зунделевич передал нам 8 тысяч руб., которые хранились у него, как предназначенные Лизогубом специально на террористические дела.

По соглашению, ни одна из двух фракций, на которые распалась «Земля и воля», не должна была пользоваться прежним названием, уже завоевавшим известность и симпатии в революционных кругах; обе стороны спорили друг у друга это право, и ни одна не хотела уступить другой всех преимуществ продолжателя и наследника раньше действовавшей организации.

Сторонники старого направления, сосредоточившие свое внимание на аграрном вопросе и экономических интересах крестьянства, приняли название «Черный передел», а мы, стремившиеся в первую очередь к ниспровержению самодержавия и замене воли одного — волей народа, взяли название «Народная воля».

Так, по выражению Морозова, мы разделили и самое название прежней организации: чернoperедельцы взяли «землю», а мы — «волю», и каждая фракция пошла своей дорогой.

2. «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

В то время как фракция «Черного передела», сохранив в главных чертах программу «Земли и воли», лишь подчеркнула в ней непосредственную деятельность в на-

роде и необходимость организации его для экономической борьбы против буржуазии, народовольцы в основание своей программы положили начало совершенно новое. Этим началом было значение и влияние централизованной государственной власти на весь строй народной жизни. Этот элемент играл, по их мнению, громадную роль во все моменты нашей истории. Как во времена давно минувшие эта государственная власть разрушила федеративные начала политического строя древней России; народ, искони обращенный в податное сословие, она сделала сначала крепким земле, а потом отдала в личное рабство; создала дворянство, сначала как служилый, потом как свободный от тягостей государственной службы поместный класс, а когда этот класс обнищал и захудал, а знатнейшие боярские роды к началу XVIII столетия обеднели и вымерли, то рядом «всемилостивейших» колоссальных раздач государственных земель и казенных крестьян положила начало той крупной, знатной и богатой собственности, которую застала эпоха освобождения крестьян, — так в новейшее время, освободив в 1861 году крестьян от личного рабства, та же государственная власть взяла на себя роль главнейшего эксплуататора свободного труда: она наделила крестьянство земельным наделом, стоящим далеко ниже крестьянской рабочей силы; обременила этот недостаточный надел такими несоразмерными платежами и налогами, что они поглощали весь валовой доход крестьянина, а во многих местах превышали доходность земли на 200 и более процентов. Эти платежи составляли, таким образом, непомерный налог на труд, доходивший до 40—50 рублей на взрослого работника.

Создав таким обременительным способом громадный государственный бюджет, 80—90 процентов которого доставляются низшими классами, централизованная государственная власть употребляла его почти всецело на поддержание внешнего могущества государства, на содержание армии, флота и на уплату государственных долгов, сделанных для тех же целей, бросая лишь жалкие крохи на производительные расходы, удовлетворяющие таким насущным народным потребностям, как народное образование и т. п. Такое положение вещей соответствовало вполне принципу, что народ существует для государства, а не государство для народа. Рядом с подобной эксплуатацией народа государством бледнеет всякая частная эксплуатация. Но, не довольствуясь этим,

правительство употребляло все усилия для поддержания этой последней: как прежде оно создало дворянское землевладение, так теперь оно стремилось к созданию буржуазии. Вместо того чтобы взять сторону народного хозяйства, оно поддерживало частных предпринимателей, крупных промышленников и железнодорожников. По свидетельству всех экономистов, за целое двадцатилетие со времени освобождения крестьян не было предпринято ни одной меры к улучшению экономического быта народа; напротив, вся финансовая политика правительства была направлена на создание и поддержку частного капитала; субсидии, гарантии и тарифы, все экономические мероприятия за этот период были обращены в эту сторону, и в то время как на Западе правительство служит орудием и выразителем воли имущественных классов, уже достигших господства, у нас оно являлось самостоятельной силой, до известной степени источником, творцом этих классов. Таким образом, в сфере экономической современное государство представлялось «Народной воле» крупнейшим собственником и главнейшим самостоятельным хищником народного труда, поддерживающим других, более мелких эксплуататоров. Угнетая народ экономически, правительство оставляло все классы его бесправными в области политической: в лице более чем 10 000 000 сектантов и раскольников народ страдал от отсутствия свободы вероисповедания; фискальные и полицейские меры лишали его свободы передвижения; отсутствие свободы преподавания держало в вынужденном невежестве; народ был лишен всех способов заявлять правительству о своих нуждах и потребностях, так как не существует права петиций, и, наконец, вся жизнь народа была подчинена необузданному произволу администрации.

Не лучше, говорили народовольцы, политическое состояние и других слоев общества: земство превращено в сборщика податей; оно не может входить с представлениями о нуждах населения; умышленно держится в разобщении; его голос остается неуслышанным по самым существенным вопросам народного быта (например, по вопросу о введении подоходного налога); в области народного образования оно подчинено министерству народного просвещения и в непосильной борьбе с ним приходит к грустному решению закрыть земские школы (как это было в Тверском земстве); земские выборы и собрания поставлены в зависимость от административной вла-

Г. В. Плеханов
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
«РУССКИЙ РАБОЧИЙ В РЕВОЛЮЦИОННОМ
ДВИЖЕНИИ»

скоро по поступлении Халтурина в Зимний дворец я вынужден был оставить Россию¹. С тех пор о ходе русского рабочего движения я мог знать только по рассказам действовавших после меня товарищей. Автор статьи «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце» говорит, что Северно-Русскому Рабочему Союзу удалось-таки приступить к изданию газеты, которая, однако, вместе с типографией была заарестована при наборе первого же номера и не оставила по себе ничего, «кроме памяти о попытке чисто рабочего органа, не повторявшейся уже потом ни разу»*. Затем прекратилось и самое существование Союза. По-видимому, на его судьбе отразились программные разделения тогдашней интеллигенции. Несомненно, по крайней мере, что уже в 1880 г. появляются между петербургскими рабочими сторонники «партии Народной воли» (см. программу рабочих этой партии, опубликованную в ноябре 1880 г.⁴) и сторонники «Черного передела». В восьмидесятых годах в разное время издавалось в России несколько рабочих журналов: «Рабочая газета» (с 15 декабря 1880 до конца 1881 г.), «Зерно» (приблизительно около того же времени), «Рабочий» (в 1885 г.)⁵. Правда, рабочие были только читателями этих журналов, редактировались же они «интеллигенцией», но это было, что называется, только полгоря. Во второй поло-

* Автор² относит эту попытку ко времени, предшествовавшему поступлению Халтурина во дворец. Но это ошибка³.

вине восьмидесятых годов перестали появляться в России и такие издания. Наступило, казалось, полное затишье. Но раз зажженный огонек мысли не погас в рабочей среде, как об этом свидетельствует даже легальная печать. Почти совершенно оставленный интеллигенцией рабочий продолжал расти умственно и нравственно. Уже в конце восьмидесятых годов Г. И. Успенский мог поздравить русских писателей с «новым грядущим читателем». Недалеко то время, когда «интеллигентных» противников царизма можно будет поздравить с новым, незаменимым и непобедимым *политическим союзником*.

Когда наша революционная «интеллигенция», чувствуя недостаточность своих сил, спрашивает себя, где искать поддержки, ее доброжелатели дают ей часто довольно странные ответы: «в обществе», в офицерской среде и т. п. О рабочих такие доброжелатели интеллигенции вспоминают редко и неохотно. О вкусах, конечно, не спорят, но факт тот, что русские рабочие внесли в освободительное движение последних двадцати лет несравненно больше сил, чем почтенное военное сословие, или — в особенности — наши милые, добрые, развитые, гуманные, образованные, но решительно никуда не годные либералы. А ведь до сих пор совершились только первые, правда, самые трудные, но зато и самые слабые шаги нашего рабочего движения. Что же будет дальше? Людям, претендующим на политическую дальновидность, не мешало бы подумать об этом.

История давно и безвозвратно осудила русский царизм. Но он существует и будет существовать до тех пор, пока та же история не заготовит достаточно сил для исполнения своего приговора. Она деятельно заготовляет их, беря их отовсюду. Пролетариат — самая могучая из создаваемых ею новых общественных сил. Пролетариат — это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие.

Но рабочему классу не годятся старые, более или менее фантастические революционные костюмы интеллигенции. Наши рабочие, уже в семидесятых годах видевшие слабые стороны *народничества*, в девяностых годах сознательно станут под знамя всемирной рабочей партии, под знамя *социал-демократов*.

Пусть же поскорее наступает эта счастливая пора! Много света внесет она в нашу темную жизнь!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III *

Ваше величество! Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящие минуты, Исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями.

Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего прошедшего в течение последнего десятилетия она являлась совершенно неизбежной, и в этом ее глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе правительской власти. Объяснять подобные факты злоумышлением отдельных личностей или хотя бы «шайки» может только человек, совершенно неспособный анализировать жизнь народов. В течение целых 10 лет мы видим, как у нас, несмотря на самые строгие преследования, несмотря на то, что правительство покойного императора жертвовало всем — свободой, интересами всех классов, интересами промышленности и даже собственным достоинством, — безусловно всем жертвовало для подавления революционного движения, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая к себе лучшие элементы страны, самых энергичных и самоотверженных людей России, и вот уже три года вступило в отчаянную, партизанскую войну с правительством.

Вы знаете, ваше величество, что правительство покойного императора нельзя обвинять в недостатке энергии. У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых «вожаков» переловлены, перевешаны. Они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло. Да, ваше величество, революционное движение не такое дело, которое зависит от отдельных личностей. Это процесс народного организма, и виселицы, воздвигаемые для наиболее энергичных выразителей этого процесса, так же бессильны спасти отживающий порядок, как крестная смерть спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства.

* Об обстоятельствах составления этого документа см. вступительную статью, с. 36—37.

Правительство, конечно, может еще переловить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных революционных групп. Допустим, что оно разрушит даже самые серьезные из существующих революционных организаций. Но ведь все это нисколько не изменит положения вещей. Революционеров создают обстоятельства, всеобщее недовольство народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредством репрессий: недовольство, напротив, растет от этого. Поэтому на смену истребляемых постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные. Эти личности в интересах борьбы, разумеется, организуются, имея уже готовый опыт своих предшественников; поэтому революционная организация с течением времени должна усиливаться и количественно и качественно. Это мы видим в действительности за последние 10 лет. Какую пользу принесла правительству гибель долгушицев, чайковцев, деятелей [18]74 г.? На смену их выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессии вызвали затем на сцену террористов [18]78—[18]79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальских, Дубровиных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушало десятки революционных кружков. Из этих несовершенных организаций путем естественного подбора вырабатываются только более крепкие формы. Появляется, наконец, Исполнительный комитет, с которым правительство до сих пор не в состоянии справиться.

Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера повторяться все более обостренно; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп все более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране между тем увеличивается; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка.

Чем вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, ваше величество, страшная и печальная. Не примите этого за фразу. Мы лучше, чем кто-либо другой, понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии на деле разрушения, в кровавых схватках, в то время когда эти силы при других условиях могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитие народа, его ума, благосостояния, его гражданского общежития. Отчего же происходит эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, ваше величество, что теперь у нас настоящего правительства в истинном его смысле не существует. Правительство по самому своему принципу должно только выражать народные стремления, только осуществлять народную волю. Между тем у нас — извините за выражение — правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской шайки гораздо более, чем Исполнительный комитет. Каковы бы ни были намерения государя, но действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлениями. Императорское правительство подчи-

нило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает все в большее рабство, все более эксплуатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения, несвободны от самого обидного надзора даже у своего домашнего очага, невлашты даже в своих мирских, общественных делах. Покровительством закона и правительства пользуется только хищник, эксплуататор; самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждет человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, ваше величество, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое — правительство, охраняющее подобный «порядок»? Неужели это не шайка, неужели это не проявление полной узурпации?

Вот почему русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как цареубийство, вызывает в огромной части населения радость и сочувствие! Да, ваше величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно.

Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию. Исполнительный комитет обращается к нашему величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести, вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исполнительный комитет сам прекратит свою деятельность и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости.

Мы обращаемся к вам, отбросивши всякие предубеждения, подавивши то недоверие, которое создала вековая деятельность правительства. Мы забываем, что вы представитель той власти, которая столько обманывала народ, сделала ему столько зла. Обращаемся к вам как гражданину и честному человеку. Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей и желания знать истину. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас.

Мы не ставим вам условий. Пусть не шокирует вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их.

Этих условий, по нашему мнению, два:

1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями.

Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходок, г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насилиственного противодействия правительству, санкционированному чародным собранием.

Итак, ваше величество, решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной.

Исполнительный комитет, 10 марта 1881 г.
Типография «Народной воли», 12 марта 1881 г.